

РОЛЬ ОБЪЕКТИВНОГО ЛОГИЧЕСКОГО ЛИЦА В ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ ДОПОЛНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ: МОДЕЛЬ S-C-V

О.А. Турбина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Представлены наблюдения автора за развитием категории дополнения в синтаксисе французского предложения в XIV–XVII вв., завершившиеся категоризацией структурной модели S-C-V (sujet-complément-verbe) для предложений с местоименными актантами. Исследование проведено в рамках теории психосистематики (psycomécanique du langage), позволяющей описать и объяснить природу глубинных процессов в системе французского языка, обусловленных постоянным и неизменным присутствием в языковом сознании представления об объективном логическом (третьем) лице (personne delocutive), показать способ его вербализации и категоризации системой языка.

Ключевые слова: модель предложения, категоризация, категория дополнения, объективное логическое лицо, инциденция, предикация, прилагольные местоимения

Синтаксическое оформление категории дополнения определяется степенью субъектной категоризации универсума по оси Пространства и непосредственно связано с языковым представлением *объективного логического лица*.

Объективное логическое лицо – это отсутствующее в речевой ситуации, но неизменно присутствующее в сознании третье лицо, несущее в своей семантике обобщенное представление обо всех возможных объектах, охватывая по сути весь противопоставленный субъекту окружающий универсум [4, с. 123; 6, с. 66–67]. Объективное логическое лицо всегда является семантической и, если оно получает в языке формальное выражение, структурной *опорой* языковой единицы. Его совпадение в концептуально-семантической структуре слова или в структурно-синтаксической модели предложения с *вкладом*, т. е. с тем признаком (содержанием), который присваивается *опоре*, формирует механизм *инциденции*. Инциденция может быть внутренней или внешней в зависимости от того, свершается ее механизм в пределах одной единицы, либо единица получает опору извне. На уровне слова инциденция имеет лексико-семантический характер, а на уровне предложения – структурно-синтаксический. В любом случае инциденция заключается в опоре на лицо [4, с. 123].

Категория дополнения генетически восходит к представлению об объективной действительности, на основе которого складывается обобщенная архикатегория объекта. Она более древняя, чем категория субъекта, ибо представление об окружающем мире формируется гораздо раньше, чем осознание субъектом своего бытия в нем. Поскольку категория дополнения напрямую онтологически связана с категорией объекта и логического лица, она должна быть **старше** категории подлежащего [7, с. 156-сл.]. Эта гипотеза,

подтверждение которой прослеживается в ходе анализа материала, имеет принципиальное значение, ибо она позволяет объяснить одновременно несколько ключевых моментов грамматизации французского классического предложения.

Категория дополнения во французском классическом предложении выражается в грамматической форме прилагольными объектными и обстоятельственными местоимениями: *me, te, la, le, y, en etc.*

Заметим, что объектные прилагольные местоимения регулярно употреблялись задолго до появления прилагольных субъектных местоимений: приблизительно в 32 % бесподлежащих предложений в XIV в. глагол имеет объектное местоимение:

Joce de Dynan conust Water de Lacy par ces armes, e **le** vist fuant tout soul (Hist. de F.F.Warin, p. 30) – 1317;

Le roy Philippe en sa hostiveté se porta celui jour comme tres bon chevalier et **y** fit merveilles d'armes, mais fortune tourna contre lui (Chr. des Valois, p. 16) – 1370.

Морфологическую парадигму объектных местоимений можно считать сложившейся уже в XIV в.; не вызывает сомнения и высокая степень их синтаксической регулярности на протяжении всего доклассического периода:

Celle foiz adressoit son parler a Amour et pitousement **luy** disoit... (L. de Troilus, p. 130) – 1395;

nous **y** soyons n'a gueres venuz et, moyennement la grace du Nostre Sire, **y** sommes entrez, et soit de present du tout en la bonne obeissance de monseigneur le regent, et pour et ou nom de lui **en** ayons prins la garde et **y** mis certaine provision de gens d'armes... (Chr. du Saint Mich. I, p. 98) – 1420;

Quand fut devant luy, **ly** dist: “Jacques, vous n'estes ne bon ne loyal, quant n'avez ainsy menty de vostre suer” (Nouv.fr. du XV s., p. 4) – 1465.

Случаи неупотребления приглагольного объектного местоимения исключительно редки уже в XIV в.:

Et lendemaint Joseph pria Pharaon que il *li* donast Asseneth a fame; et il *li* donna, et *leur* mist couronnes d'or les milleurs que il avoit, et *les* fist entrebesier l'un et l'autre, *leur* fist grans noces et grans disners (Asseneth, p.11–12) – 1333.

Здесь опущение прямообъектного приглагольного местоимения [la] в предикативном ядре il li [la] donna объясняется непосредственной близостью антецедента в тексте. Возможно, что прямообъектное la заняло бы позицию между субъектным и косвеннообъектным местоимениями: il [la] li donna. В текстах более поздних периодов подобных примеров не отмечено.

Синтаксическая регулярность приглагольных объектных местоимений в текстах доклассического периода свидетельствует о том, что категория дополнения во французском предложении грамматически оформилась уже к концу XIV в.

Интересен тот факт, с очевидностью проявляющийся начиная с XVI в., что позиция подлежащего остается незаполненной преимущественно перед глаголом с приглагольным объектным местоимением:

Somme, que je voy un abysme de science: car, doresnavant que tu deviens homme et *te* fais grand, il te faudra yssir... (Rabelais, p.5) – 1532.

В этом примере, который достаточно наглядно отражает положение вещей в XVI в., из четырех предикативных групп: je voy, tu deviens, te fais, il te faudra – только в одной нет подлежащего, но есть объектное местоимение, позволяющее подлежащему отсутствовать. В последней предикативной группе, где также есть приглагольное объектное местоимение, позиция подлежащего заполнена в силу высокой степени субъектной категоризации безличного местоимения *il*¹. В первой половине XVII в. эта особенность становится все более явной: заполнение приглагольной позиции подлежащего обратно пропорционально заполнению приглагольной позиции дополнения объектным местоимением. Это подводит к неизбежному выводу о том, что глагол-сказуемое во фразе может опираться не только (и не столько) на подлежащее, но и на дополнение. При этом опора на дополнение определялась раньше опоры на подлежащее в силу наиболее явной онтологической связи категории дополнения, представляющей собой интерпретацию и предельную степень абстракции всех возможных объектов, с объективным логическим лицом.

Переходные глаголы, валентностные свойства и семантическая сочетаемость которых определяют их глубинную опору на объектное лицо, на прямой объект, довольно долго употребляются без субъектных местоимений. Так, например, высоко-

частотный по употреблению глагол *dire*, концептуальная структура которого подразумевает наличие объекта, редко употребляется с субъектным местоимением вплоть до середины XVII в. Объектное же местоимение при подобном рода глаголах оформляет грамматизацию прямообъектной категории дополнения значительно раньше и достигает высокой степени логико-грамматической абстракции: местоимение *le*, как актуализатор категории объекта при переходном глаголе, появляющееся в текстах французского классического чаще других прямообъектных приглагольных местоимений, способно обходиться не только без антецедента, но и вообще без какого-либо определенного денотата. Возможно, что замедлению грамматизации субъектных местоимений 3-го порядкового лица в некоторой степени способствовал фактор избыточности значения логического (3-го) лица при употреблении и субъектного, и объектного местоимений: глаголу было достаточно опоры на объектное местоимение.

В конструкциях с громоздкими парантезами, широко распространенными в XVII в., где подлежащее-имя занимает крайне дистантную позицию относительно глагола-сказуемого, также наблюдается стремление глагола опереться на объектное местоимение:

M^r le Conte Bardi, de qui est le sonnet italien que je vous ay envoyé, et qui a pour titre Bella donna chinueschia, *m*'a donné la copie de l'Oraison manuscrite de Mr La Casa (Chapelain. Lettres. I, p. 673) – 1640.

При этом степень дистантности членов предикативного ядра непосредственно зависит от употребления перед глаголом объектного местоимения: в среднем в 1-й половине XVII в. в предложениях с громоздким интеркалированным элементом глагол имеет опору на объектное местоимение на 18 % чаще, чем в предложениях с интеркаляцией отдельного слова. В целом же в XVI в. глагол употреблен с объектным местоимением в 46 % предложений с дистантными членами предикативного ядра:

Les Anglais, qui avoient chassé leur roi, pour prétexte de défendre et concerner leur religion, *la* voyoient changer en tièrement (La Fayette. Mem., p. 100);

Les dieux, répondit-il, qui nous ont préservés des traotres, *nous* défendent de nous en servir (Fénélon. T., p. 384);

M. de Louvois, qui savoit l'impatience où étoit le roi de savoir des nouvelles, *lui* alla porter celle-la au sermon (La Fayette. Mem., p. 25).

Архаичная традиция глагола опираться на дополнение запечатлелась в порядке компонентов предложения (предикативного ядра) с местоименными актантами, строящегося по модели S-C-V (sujet-complément²-verbe), где более поздняя грам-

¹ Безличное субъектное *il* закрепляется при глаголе раньше личных местоимений.

² «С» здесь – все виды дополнений: прямых, косвенных и обстоятельственных.

матизация подлежащего не вытеснила дополнение в глагольную постпозицию. Примечательно, что даже в вопросительных предложениях и в прочих типах конструкций, где подлежащее-местоимение инвертировано, объектное местоимение остается на прежнем месте – перед глаголом:

Je sçay que changerez d'avis, et *P'eussiez-vous juré mille fois* (Larivey. Tromperies, p.23) – 1610.

Высокая степень грамматизации французского предложения с местоименными актантами свидетельствует о том, что французский глагол при помощи приглагольных местоимений, которые, по сути, превратились в препозитивные флексии, способен эксплицитно выражать не только субъект, но и объект. «При русском соответствии с подлежащим, сказуемым и двумя дополнениями “я тебе это говорю”, – указывает И.И. Мещанинов, – во французском языке выступает одночленное построение *je-te-le-dis*, в котором нет ни подлежащего, ни косвенного дополнения, а имеется лишь одна глагольная форма» [1, с. 280; 5, с. 210]. Действительно, существуют серьезные основания расценивать подобные построения как более слитную синтаксическую единицу, чем инкорпорированное целое [5, с. 41], ибо фонетически, морфологически и синтаксически – это одно аналитическое слово. В.фон Вартбург отмечает, что французский разговорный язык все регулярней употребляет номинатив (приглагольное субъектное местоимение), даже если подлежащее выражено существительным: *mon frère il chante*, что, по его мнению, показывает, в какой степени бывшее спрягаемое местоимение превратилось в простую префиксальную морфему глагола, и на самом деле фраза состоит из двух фонетических слов: *mon frère* и *il chante* [3, с. 115, 165; 8, с. 180]. М.А. Бородина и Л.М. Скрелина также указывают на агглютинацию приглагольных местоимений с глаголом [2, с. 15], а Ж. Вандриес пишет: «Мы на письме отделяем „пустое слово“ от „слова полного“, но это только графическая привычка» [3, с. 161].

Мнение вышеупомянутых ученых и приведенные в данной статье материалы из истории французского языка позволяют заключить, что французский глагол посредством приглагольных личных местоимений реализует свою функцию синтаксического развертывания – функцию структурной организации предложения. Так, хотя в построении *je-te-le-dis* нет полнозначных в лексическом и полноценных в синтаксическом отношении подлежащего и дополнений, в нем присутствуют совершенно определенным в грамматическом отношении образом выраженные категории подлежащего, дополнений и сказуемого, придающие такому построению статус предложения вне всякого контекста, ибо в силу актуализированности его грамматической формы предикация выражена эксплицитно.

Следовательно, предложение (предикативное ядро) с местоименными элементами как языковая

единица, достигшая высокого уровня грамматизации, представляет собой, результат предельной степени абстракции всех возможных предложений, являясь как бы обобщенным застывшим отпечатком древнего предложения: известно, что латинское предложение строилось по принципу рамочной конструкции, когда имя-подлежащее начинало, а глагол-сказуемое заканчивал предложение. Дополнения же помещались в контактную препозицию относительно глагола, оттесняя подлежащее. В связи с этим можно предположить, что уже тогда опорой глаголу было скорее имя-дополнение, чем имя-подлежащее.

Это предположение подтверждается в процессе анализа порядка слов доклассического периода, когда глагол в силу обретаемой функции синтаксического развертывания и в связи со все более углубляющимся характером внешней инцидентности стремится переместиться в центр предложения. Примечательно, что контактную препозицию относительно глагола занимало часто имя-дополнение (прямое, косвенное или обстоятельственное), оттесняя имя-подлежащее в постпозицию:

En Ellesmere fust un autre tour, et sur l'ewe de Keyroc un autre (Hist. de F.E.Warin, p.24) – 1317;

et *en la destre partie de cel estre estoit une fontaine vive* (Asseneth, p.4) – 1333;

– или в дистантную препозицию:

La dame e ces fyles en la tour veient lur seigneur (Hist. de F.F.Warin, p.31) – 1317;

Et tantost *le roy Philippe de France o son Host* chevaucha jusques a Amiens (Chr. des Valois, p.9) – 1370.

При отсутствии подлежащего имя-дополнение также стремилось по традиции занять контактную позицию перед глаголом:

Garyn e sa compaignie se tonnerent privement a lur tentes en la forest, et se desarmerent e *grant joie* demenerent (Hist. de F.F.Warin, p.27) – 1317.

В среднем имя-дополнение или обстоятельство в начале XIV в. располагалось в контактной препозиции относительно глагола-сказуемого в 25,7 % от общего числе предложений. Если учесть, что имя-подлежащее в такой же позиции встречается в это время всего в 31,2 % от общего количества предложений в тексте, то процентный состав предложений с порядком C-V (где подлежащее, если оно есть, находится за пределами этой группы) можно считать очень высоким.

Постепенно подлежащее по мере оформления его позиции становится все более обязательным и предшествует глаголу. Однако еще долгое время оно продолжает довольно часто располагаться дистантно относительно глагола-сказуемого: отдельные примеры с интеркаляциями беспредложных имен-дополнений встречаются вплоть до XVII в., не говоря уже об именных группах с предлогом.

Итак, в то время как имена существительные-дополнения, утратив падежные флексии, определяющие их функцию в предложении, оттеснялись

в постпозицию к глаголу, объектные местоимения, сохранив свои формы в силу того, что они традиционно продолжали быть опорой глаголу, остались на прежнем месте – перед глаголом. Это обстоятельство способствовало, в свою очередь, грамматизации объектных местоимений, оформивших категорию дополнения во французском классическом предложении.

Таким образом, предложение (предикативное ядро) с местоименными элементами, строящееся по модели S-C-V, представляет собой результат эволюции древнего предложения, претерпевшего предельную обобщенность и лексическую десемантизацию своих членов до уровня грамматических категорий. В ней запечатлено и архаичное падежное различие между подлежащим и дополнениями, по которому происходило их функциональное противопоставление, развившееся со временем в категоризацию. В силу отставания от объектной, субъектная категоризация, запечатленная в структурной модели S-V-C, не повлекла за собой переоформление структуры предложения с приглагольными объектными местоимениями.

Литература

1. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – М.: Высшая школа, 1988. – 344 с.
2. Бородина, М.А. Категории субъекта и объекта в романских языках // Категория субъекта и объекта в языках различных типов / М.А. Бородина, Л.М. Скредина. – Л.: Наука, 1982. – С. 4–22.
3. Вандриес, Ж. Язык / Ж. Вандриес. – М.: Гос.соц.-экон. изд-во, 1937. – 410 с.
4. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; пер. с фр. П.А. Скредина. – М.: Прогресс, 1992. – 218 с.
5. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
6. Турбина, О.А. Психосистематика языка и речевой деятельности: курс лекций / О.А. Турбина. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 93 с.
7. Турбина, О.А. Формирование французского классического предложения: системный

и структурный аспекты / О.А. Турбина. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1994. – 259 с.

8. Wartburg W. von. *Evolution et structure de la langue Française* / W. von Wartburg. – Berne: Francke, 1946. – 321 p.

Условные сокращения цитированных текстов

Asseneth – Asseneth // *Nouvelles françaises en prose du XIVe siècle* publ. d'après les manuscrits avec une introduction et des notes par M.M.L.Moland et C.D'Héricault. P.: Chez P. Jannet, 1858. P. 3–12.

Chapelain. Lettres. – Chapelain J. *Lettres de Jean Chapelain, de l'Académie Française*, publiées par Ph.Tamizey de Laroque. P.: Imprimerie Nationale. V. I–II, 1880–1883.

Chr. des Valois – *Chronique des quatre premiers Valois*. Publ. par S. Luce. P.: F. Didot, 1862. – 355 p.

Chr. du Saint Mich. – *Chronique du Mont Saint Michel (1343–1468)*. Publ. par S. Luce. V. I–II. P.: F. Didot, 1879–1883.

Fénélon. T. – Fénélon. *Aventures de Télémaque*. La Haye: Daniel Barthelemy, 1709. – 440 p.

Hist. de F.F. Warin – *Histoire de Foulques Fitz Warin* // *Nouvelles françaises en prose du XIVe siècle* publ. d'après les manuscrits avec une introduction et des notes par M.M.L.Moland et C.D'Héricault. P.: Chez P. Jannet, 1858. P. 15–114.

L. de Troilus – *Le roman de Troilus* // *Nouvelles françaises en prose du XIVe siècle* publ. d'après les manuscrits avec une introduction et des notes par M.M.L.Moland et C.D'Héricault. P.: Chez P. Jannet, 1858. P.: 117–304.

La Fayette. Mem. – Mme de La Fayette. *Mémoires de la Cour de France pour les années 1688 et 1689*. P.: Edition Galie, 1962. – 175 p.

Larivey. Tromperies – Pierre Larivey. *Tromperies*. Troyes. Publ. par Pierre Chevillot, l'imprimeur du Roy. M.DC.XI.

Nouv. fr. du XV s. – *Nouvelles françaises du quinzième siècle*. P.: Champion, 1908. P. 1–19.

Rabelais – François Rabelais. *La vie très horrible du grand Gargantua, Père de Pantagruel*. – Lyon–Paris, 1533–1564.

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), turbina371@mail.ru

Поступила в редакцию 11 июля 2016 г.

ROLE OF THE OBJECTIVE LOGICAL COMPLEMENT IN FORMING THE CATEGORY OF COMPLIMENT IN THE CLASSICAL FRENCH SENTENCE: THE MODEL S-C-V

O.A. Turbina, turbina371@mail.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article gives an outline of the author's observation on the development of the category of compliment in the syntactic structure of the French sentence in the XIV–XVIIth centuries that ended in the categorization of the structural model S-C-V (subject-complément-verbe) for sentences with pronominal actants. The study is conducted in the framework of the theory of psychomechanics of the language (psycomécanique du langage) which allows to describe and explain the nature of deep processes in the system of the French language due to the immanent and consistent presence of the idea of the objective logical (the third) person (personne delocutive) in the linguistic consciousness, as well as to show the way of its verbalization and categorization within the system of the language.

Keywords: model of the sentence, categorization, category of compliment, objective logical person, incidence, predication, adverbial pronouns.

References

1. Alisova T.B., Repina T.A., Tariverdieva M.A. *Vvedenie v romanskuyu filologiyu* [Introduction to the Romance Philology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1988, 344 p.
2. Borodina M.A., Skrelina L.M. *Kategorii sub"ekta i ob"ekta v romanskikh yazykakh* [The Category of Subject and Object in the Romance Languages]. *Kategoriya sub"ekta i ob"ekta v yazykakh razlichnykh tipov*. Leningrad, Nauka, 1982. pp. 4–22.
3. Vandries Zh. *Yazyk* [Language]. Moscow, Gos. sots.-ek. izd-vo, 1937, 410 p.
4. Giyom G. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1992, 218 p.
5. Meshchaninov I.I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Parts of Sentence and Parts of Speech]. Leningrad, Nauka, 1978, 387 p.
6. Turbina O.A. *Psikhosistematika yazyka i rechevoy deyatel'nosti. Kurs lektsiy*. [Language Psychomechanics. Lecture Course] Chelyabinsk, South Ural St. Univ. publ., 2007, 93 p.
7. Turbina O.A. *Formirovanie rantsuzskogo klassicheskogo predlozheniya : sistemnyy i strukturnyy aspekty* [French Classical Sentence Formation: Systemic and Structural Aspects]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1994, 259 p.
8. Wartburg W. von. *Evolution et structure de la langue Française*. Berne: Francke, 1946, 321 p.

Olga Alexandrovna Turbina, Doctor of Philology, professor, Department of Linguistics and Translation Studies, South Ural State University (Chelyabinsk), turbina371@mail.ru

Received 11 July 2016

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Турбина, О.А. Роль объективного логического лица в формировании категории дополнения французского классического предложения: модель S-C-V / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 13–17. DOI: 10.14529/ling160302

FOR CITATION

Turbina O.A. Role of the Objective Logical Complement in Forming the Category of Compliment in the Classical French Sentence: The Model S-C-V. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2016, vol. 13, no. 3, pp. 13–17. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling160302